

ЕВГЕНИЙ ВЛАСОВ

Игра продолжается

Иногда
самая важная
игра — это игра
с самим собой

Евгений Власов

Игра продолжается

<https://litres.ru/74681629>

SelfPub; 2026

Аннотация

Игра продолжается

Автор: Евгений Власов

Артёму Соколову шестнадцать, и футбол — вся его жизнь. Он мечтает о большой карьере, верит в свои силы и готов бороться за место в команде. Но одна серьёзная травма меняет всё. В одно мгновение привычный мир рушится, а будущее становится неопределённым.

Оставшись за пределами поля, Артём сталкивается с болью, завистью, страхом и вопросом, который не даёт ему покоя: кто он, если больше не может играть? Постепенно, помогая младшим футболистам, поддерживая друзей и прислушиваясь к мудрости своего тренера, он начинает открывать себя заново.

«Игра продолжается» — это история о взрослении, дружбе, силе духа и надежде. О том, что принятие не означает отказ от мечты, а поражение не определяет человека. Ведь настоящая победа порой заключается не в забитом голе, а в способности найти силы двигаться дальше, даже когда неизвестно, что ждёт впереди.

Не каждый, кто выходит с поля, проигрывает. Иногда именно там начинается его настоящая игра.

Евгений Власов

Игра продолжается

Игра продолжается

Часть I. Когда гаснет свет стадиона 3

Глава 1. До первого свистка 3

Глава 2. Белый потолок 14

Глава 3. Разговор, которого никто не хотел 23

Глава 4. Человек у ворот 28

Часть II. Учиться видеть поле 37

Глава 5. За линией 37

Глава 6. Мальчик с завязанными шнурками 44

Глава 7. Первый совет 53

Глава 8. Новая роль 63

Глава 9. Старые бутсы 72

Часть III. Победа, которую не измерить голами 80

Глава 10. Когда не получается 80

Глава 11. Право на ошибку 89

Глава 12. Перед финалом 99

Глава 13. Девяносто минут 107

Глава 14. Гол, который принадлежит всем 120

Часть IV. Новая мечта 133

Глава 15. Письмо самому себе 133

Глава 16. Игра продолжается 142

Часть I. Когда гаснет свет стадиона

Глава 1. До первого свистка

Утро началось с дождя.

Мелкие капли стучали по подоконнику, стекали по стеклу и собирались в прозрачные дорожки. Артём Соколов лежал на кровати, смотрел в потолок и прислушивался к знакомому звуку. Обычно в такую погоду он ворчал, что поле станет скользким, мяч будет плохо слушаться, а бутсы придётся потом долго сушить. Но сегодня дождь его не раздражал.

Сегодня был особенный день.

Первый официальный матч за молодёжную команду клуба.

Артём посмотрел на часы. До выхода из дома оставалось чуть больше часа, но он уже давно не спал. Он проснулся ещё до будильника, проверил спортивную сумку, снова проверил бутсы, а потом ещё раз убедился, что не забыл форму.

Всё было на месте.

Футболка с номером семнадцать. Щитки. Гетры. Бутсы, которые отец подарил ему после удачного выступления на летнем турнире.

Артём достал их из сумки и поставил рядом с кроватью.

На правой бутсе у самого края подошвы виднелась небольшая царапина. Она появилась ещё на прошлой неделе, когда Артём после тренировки остался отрабатывать удары. Тогда он забил одиннадцать раз подряд и решил, что в следующий раз обязательно доведёт серию до пятнадцати.

Не довёл.

На двенадцатом ударе мяч улетел выше ворот.

Он усмехнулся, вспомнив, как Сергей Павлович покачал головой.

«Запомни, Соколов, — сказал тогда тренер. — В футболе нет ничего опаснее человека, который после десяти удачных ударов решает, что теперь ему всё по силам».

Артём тогда только рассмеялся.

Сегодня ему хотелось верить, что тренер ошибается.

Он поднялся с кровати, подошёл к зеркалу и поправил волосы. На него смотрел худощавый парень с тёмными глазами, чуть заметными веснушками и выражением лица человека, который старается казаться спокойным.

— Ну что, — сказал он своему отражению. — Поехали.

Отражение ничего не ответило.

Но Артём всё равно улыбнулся.

На кухне пахло свежими тостами и кофе.

Мама стояла у плиты, а отец сидел за столом и листал новости в телефоне. Увидев сына, он отложил устройство.

— Проснулся наш футболист?

— Я уже давно проснулся.

— Это заметно, — улыбнулась мама. — Ты ночью хоть спал?

— Конечно.

— Артём.

— Ну, почти.

Отец рассмеялся.

— Первый официальный матч, а ты уже переживаешь так, будто финал Лиги чемпионов.

— Пап, не начинай.

— Я ничего не говорю. Просто напоминаю, что даже великие футболисты когда-то играли свой первый матч.

— Спасибо за историческую справку.

Мама поставила перед ним тарелку.

— Поешь хотя бы немного. Нельзя выходить на поле голодным.

Артём сел и взял тост, хотя есть ему совсем не хотелось.

Он думал о том, как всё будет происходить.

Сначала разминка. Потом объявление стартового состава. Сергей Павлович обычно не раскрывал свои решения заранее, поэтому Артём до последнего не знал, выйдет ли с первых минут.

На тренировках он выглядел хорошо. Тренер хвалил его за скорость, умение открываться и точные передачи. Но одно дело — тренировка, и совсем другое — официальный матч, когда на тебя смотрят трибуны, родители, соперники и люди, от которых может зависеть твоё будущее.

Артём хотел доказать, что заслужил своё место.

Не просто тренеру.

Не просто команде.

Самому себе.

— Ты ведь помнишь, что мы будем на трибуне? — спро-

сила мама.

— Помню.

— И что бы ни случилось, мы тобой гордимся.

Артём поднял глаза.

— Мам, можно без этого?

— Без чего?

— Вот этого. Будто я еду на войну.

Мама на секунду замолчала.

— Хорошо. Не буду.

Отец снова взял телефон, но перед тем, как Артём вышел из кухни, сказал:

— Слушай, сын. Я не стану давать тебе советы по футболу. У тебя есть тренер, который разбирается в этом лучше меня.

— Вот это новость.

— Но один совет всё-таки дам.

Артём остановился в дверях.

— Какой?

— Не пытайся сыграть весь матч за первые пять минут.

— Я так никогда не делаю.

Отец выразительно посмотрел на него.

— Ладно, иногда.

— Вот именно.

Они улыбнулись друг другу.

В тот момент Артём ещё не знал, как часто будет вспоминать этот обычный разговор. Как однажды ему захочется

вернуться в это утро, на эту кухню, к тостам, дождю и отцовским шуткам.

Но пока он просто взял сумку и направился к выходу.

У него был матч.

И целая жизнь впереди.

До стадиона они добирались почти сорок минут.

Дождь постепенно ослабевал, но небо оставалось серым. Артём сидел у окна и наблюдал за улицами, которые хорошо знал. Вот небольшая пекарня, где он иногда покупал булочки после тренировок. Вот остановка, возле которой они с Максимом однажды прождали автобус почти час. Вот спортивный магазин, где он впервые увидел бутсы профессионального уровня и несколько дней уговаривал родителей купить похожие.

Всё было привычным.

Но сегодня казалось, что город немного изменился.

Словно где-то впереди его ждало событие, после которого даже знакомые улицы будут выглядеть иначе.

— Ты чего такой тихий? — спросил отец, не отрывая взгляда от дороги.

— Думаю.

— Опасное занятие перед матчем.

— Очень смешно.

— Серьёзно. О чём?

Артём помедлил.

— Как думаешь, если сегодня хорошо сыграю, меня могут

заметить тренеры старшей команды?

Отец не ответил сразу.

— Могут.

— А если забью?

— Тогда, возможно, заметят ещё быстрее.

— А если не забью?

— Артём, это футбол. Не каждый матч заканчивается голом.

— Я знаю.

— Тогда почему спрашиваешь?

Артём отвернулся к окну.

Потому что ему хотелось услышать другое.

Что сегодняшний матч изменит всё. Что он наконец окажется достаточно хорош, чтобы никто больше не сомневался в нём. Что одна удачная игра сможет открыть дверь, к которой он шёл много лет.

Но произнести это вслух было слишком страшно.

— Просто интересно, — ответил он.

Отец не стал настаивать.

И за это Артём был ему благодарен.

Раздевалка встретила его привычным запахом влажной формы, резины и спортивного крема.

Кто-то громко смеялся. Кто-то сидел в наушниках. Двое игроков спорили о вчерашнем матче английского чемпионата.

Максим Лебедев, лучший друг Артёма и нападающий ко-

манды, сидел на скамейке и завязывал шнурки.

Увидев Артёма, он поднял руку.

— О, звезда пришла!

— Ещё слово — и я заберу у тебя бутсы.

— Попробуй. Я быстрее.

— Только на прямой.

— Главное, что ты это признаёшь.

Они засмеялись.

С Максимом Артём дружил с детства. Они вместе гоняли мяч во дворе, спорили, кто из них станет профессиональным футболистом, и придумывали невероятные комбинации, которые никогда не получались на настоящем поле.

Когда их приняли в одну молодёжную команду, Максим заявил, что теперь они обязаны вместе дойти до высшей лиги.

Артём тогда ответил, что сначала нужно научиться попадать в ворота с трёх метров.

С тех пор мало что изменилось.

По крайней мере, так казалось Артёму.

— Слушай, — Максим понизил голос. — Ты знаешь, кто сегодня будет смотреть матч?

— Кто?

— Представитель академии старшей команды. Сергей Павлович вчера сказал.

У Артёма внутри что-то ёкнуло.

— Серьёзно?

— Ага. Вроде хотят посмотреть нескольких ребят.

— И ты только сейчас говоришь?

— А что? Ты бы всю ночь не спал.

Артём промолчал.

Максим прищурился.

— погоди. Ты и так не спал?

— Отстань.

— Всё ясно. Если сегодня забьёшь, будешь неделю ходить и рассказывать, что я твой лучший друг.

— А если ты забьёшь, я скажу, что это случайность.

— Вот поэтому мы и дружим.

Они снова засмеялись.

Артём почувствовал, как напряжение немного отступает. Здесь, среди знакомых лиц, всё снова казалось простым и понятным.

Нужно выйти на поле.

Нужно играть.

Нужно делать то, что он умел лучше всего.

Дверь раздевалки открылась.

Вошёл Сергей Павлович.

Разговоры стихли почти мгновенно.

Тренер был высоким, широкоплечим мужчиной с коротко подстриженными седыми волосами. Он никогда не повышал голос без необходимости, но умел одним взглядом заставить команду замолчать.

Он оглядел игроков и положил на стол планшет.

— Ну что, ребята. Первый официальный матч нового этапа. Для кого-то из вас это просто очередная игра. Для кого-то — возможность показать, чему вы научились. Но я хочу, чтобы вы запомнили одну вещь.

Он сделал паузу.

— Сегодня никто не станет великим футболистом за девяносто минут. И никто не перестанет им быть из-за одной ошибки.

Артём слушал внимательно.

— Мы не можем контролировать каждое решение судьи, каждый отскок мяча и каждое действие соперника. Но мы можем контролировать то, как сами реагируем на происходящее. Поняли?

— Да, — ответила команда.

Тренер начал объявлять состав.

Артём слушал фамилии, стараясь не выдавать волнения. Когда прозвучало его имя, он выдохнул.

Он выйдет с первых минут.

Максим сидел рядом и незаметно толкнул его локтем.

— Ну всё, звезда. Не подведи.

— Сначала сам не подведи.

Сергей Павлович закончил объявление состава и посмотрел на Артёма.

— Соколов, задержись на минуту.

Остальные начали выходить на разминку.

Артём подошёл к тренеру.

— Да, Сергей Павлович?

— Как настроение?

— Отличное.

— Врёшь.

Артём невольно улыбнулся.

— Немного волнуюсь.

— Это нормально. Значит, тебе не всё равно.

Тренер взял планшет, но не стал смотреть на записи.

— Я знаю, чего ты хочешь от сегодняшнего матча.

— Правда?

— Ты хочешь забить, чтобы тебя заметили. Хочешь показать, что готов играть на следующем уровне. Хочешь доказать, что всё это время тренировался не зря.

Артём почувствовал, как у него вспыхнули щёки.

— Разве это плохо?

— Нет. Плохо, когда желание доказать что-то становится важнее самой игры.

Сергей Павлович подошёл к двери.

— Слушай поле, Артём. Смотри по сторонам. Доверяй партнёрам. Если появится возможность забить — забивай. Но не пытайся стать героем каждой атаки.

— Понял.

— И ещё.

Артём поднял голову.

— Не забывай получать удовольствие.

Тренер хлопнул его по плечу и вышел.

Артём остался один на несколько секунд.

«Получать удовольствие».

Почему-то именно эти слова показались ему самыми трудными.

Он ведь не просто хотел сыграть хорошо.

Он хотел, чтобы этот день стал началом чего-то большого.

И боялся, что если не использует свой шанс сейчас, то следующего может не быть.

Поле после дождя блестело под серым небом.

На трибунах сидели родители, несколько десятков болельщиков и представители обеих команд. Ничего особенного — обычный стадион молодёжного клуба с небольшими трибунами и старым электронным табло.

Но для Артёма он казался огромным.

Он вышел из подтрибунного помещения вместе с командой и на мгновение остановился.

Газон уходил вдаль ровными зелёными полосами. Ворота казались чуть меньше, чем во время тренировок. Воздух пах мокрой травой.

Артём глубоко вдохнул.

Вот оно.

То самое поле, о котором он столько раз мечтал.

Он заметил родителей. Мама махала ему рукой, а отец поднял большой палец.

Чуть дальше сидела девочка, державшая самодельный плакат с названием команды.

Артём улыбнулся.

Он был здесь.

Он заслужил это место.

И сейчас всё зависело от него.

Во время разминки он несколько раз пробежал вдоль боковой линии, сделал ускорения и поработал с мячом. Первые передачи получались немного резкими, но постепенно движения стали привычными.

Максим подбежал к нему.

— Ну что, готов?

— Да.

— Тогда давай сегодня без твоих бесконечных пасов назад. Иногда можно и вперёд играть.

— А ты попробуй сначала открываться вовремя.

— Вот поэтому я и люблю с тобой играть.

— За мудрость?

— За скромность.

Они обменялись улыбками и вернулись к разминке.

Вскоре судья позвал капитанов.

Игроки заняли свои позиции.

Артём встал ближе к центральному кругу, посмотрел на ворота соперника и сжал кулаки.

Ещё немного — и прозвучит свисток.

Он представил, как получит первый пас, развернётся, обыграет защитника и отдаст передачу Максиму. Тот пробьёт, мяч попадёт в сетку, и команда побежит праздновать

гол.

Артём даже на секунду услышал воображаемые аплодисменты.

Он знал, что нельзя забегать вперёд.

Но разве мечтать запрещено?

Судья посмотрел на часы.

Свисток.

Матч начался.

Первые минуты прошли в осторожной борьбе.

Соперник старался контролировать мяч, но команда Артёма уверенно встречала атаки. Несколько раз игроки обменялись передачами в центре поля, проверяя друг друга на прочность.

На шестой минуте Артём впервые получил мяч.

Он принял передачу, развернулся и увидел перед собой защитника. Тот двигался навстречу, немного выставив левую ногу.

Артём сделал ложное движение вправо, резко ушёл влево и проскочил мимо.

На секунду перед ним открылось пространство.

Он мог пробить, но угол был неудобным.

Вместо этого Артём отдал передачу на фланг и побежал вперёд, ожидая ответного паса.

Мяч вернулся к нему почти сразу.

Артём прострелил в штрафную.

Максим оказался рядом с воротами, но защитник успел

выбить мяч на угловой.

— Хорошо! — крикнул Сергей Павлович с бровки.

Артём слышал тренера и почувствовал, как внутри разгорается уверенность.

Вот оно.

Игра шла именно так, как он представлял.

Он двигался, получал передачи, видел свободные зоны и чувствовал, что может влиять на происходящее.

На двенадцатой минуте соперник провёл опасную атаку. Защитники Артёма вовремя перехватили мяч, и команда быстро перешла в контратаку.

Артём рванул вперёд.

Максим находился слева, прикрытый защитником. Другой партнёр открывался справа.

Артём оценил ситуацию за долю секунды и отдал передачу направо.

Мяч дошёл до адресата, последовал удар — выше ворот.

— Ничего! — крикнул Артём. — Ещё будет!

Он сам удивился тому, как легко произнёс эти слова.

Ещё несколько минут назад он думал только о собственном успехе. Теперь он начал чувствовать ритм команды, замечать движения партнёров и понимать, когда нужно ускориться, а когда — подождать.

Футбол перестал быть экзаменом.

Он снова стал игрой.

На трибуне отец наклонился к маме.

— Хорошо двигается, — сказал он.

— Очень переживал утром.

— Он всегда переживает.

— Просто сегодня для него многое значит.

Отец кивнул.

— Знаю.

На поле Артём получил очередную передачу и снова пошёл вперёд.

Он обыграл одного соперника, затем второго, но перед штрафной его встретили сразу два защитника. Артём попытался протиснуться между ними, однако один из игроков выбил мяч.

Артём упал на колено, тут же поднялся и побежал назад.

Ничего страшного.

Игра продолжалась.

Он даже не заметил, как быстро пролетело время.

Середина первого тайма.

Счёт по-прежнему 0:0.

Команды постепенно стали действовать жёстче. Соперник больше не позволял Артёму свободно разворачиваться, а в центре поля всё чаще возникали столкновения.

На двадцать третьей минуте Сергей Павлович крикнул:

— Соколов! Не задерживай мяч! Играй быстрее!

— Понял!

Артём кивнул и вернулся на свою позицию.

Он знал, что тренер прав. Несколько раз он действитель-

но слишком долго держал мяч, пытаясь придумать красивое продолжение атаки.

Ему хотелось сделать что-то особенное.

Забить гол, который запомнят.

Отдать передачу, о которой будут говорить после матча.

Но сейчас он заставил себя сосредоточиться на простых вещах.

Принять мяч.

Оценить ситуацию.

Принять решение.

Следующая атака началась с перехвата в центре поля. Максим получил передачу и протаскил мяч по левому флангу. Артём ускорился, открываясь между защитниками.

— Здесь! — крикнул он.

Максим услышал и отдал пас.

Мяч лёг точно в ногу.

Перед Артёмом оставался один защитник.

Всё произошло быстро.

Ложное движение.

Резкий поворот.

Защитник потерял равновесие и шагнул в сторону.

Артём оказался почти один перед воротами.

Он увидел вратаря, заметил свободный угол и понял: сейчас.

Именно ради таких мгновений он тренировался годами.

Он замахнулся и пробил.

В этот момент защитник, пытаясь помешать удару, бросился наперерез.

Их ноги столкнулись.

Артём почувствовал резкий толчок, потерял равновесие и упал на газон.

Мяч пролетел мимо ворот.

На мгновение он даже не понял, что произошло.

Всё вокруг продолжало двигаться. Игроки бежали, кто-то кричал, судья давал сигнал.

Артём попытался подняться.

И тут почувствовал боль.

Она пришла внезапно, острая и непривычная, словно внутри колена что-то резко натянулось и оборвалось.

Он снова опустился на траву.

— Чёрт... — выдохнул он.

К нему подбежал Максим.

— Тёма? Ты как?

Артём не ответил.

Он попытался согнуть ногу, но движение вызвало новую волну боли.

— Не двигайся, — сказал Максим, опускаясь рядом.

Судья остановил игру и позвал медицинский персонал.

С трибуны поднялась мама.

Отец тоже встал, не отрывая взгляда от поля.

Сергей Павлович быстро подошёл к Артёму и опустился рядом на одно колено.

— Посмотри на меня, — спокойно сказал тренер. — Где болит?

— Колено.

— Сильно?

Артём попытался усмехнуться.

— Да нормально. Просто неудачно упал.

Он сам услышал, насколько неуверенно прозвучали его слова.

Тренер не стал спорить.

— Хорошо. Сейчас тебя осмотрят. Не пытайся вставать.

Медик осторожно проверил ногу. Артём смотрел в небо и пытался дышать ровно.

Он не хотел плакать.

Не хотел, чтобы Максим видел его таким.

Не хотел, чтобы родители смотрели с трибуны.

И больше всего не хотел думать о том, что произошло.

— Я же почти забил, — вдруг произнёс он.

Максим наклонился ближе.

— Что?

— Там угол был хороший. Я почти попал.

— Тёма, сейчас не об этом.

— Я мог забить.

Максим ничего не ответил.

Артём закрыл глаза.

Боль не исчезала.

Его осторожно переложили на носилки. Когда медицин-

ский персонал начал уносить его с поля, он повернул голову.

Газон остался позади.

Мяч снова лежал в центре поля.

Игроки занимали свои позиции. Судья разговаривал с капитанами. Сергей Павлович стоял у боковой линии, глядя вслед носилкам.

Всё было готово к продолжению матча.

Всё, кроме Артёма.

Он смотрел на поле, пока его не скрыли стены подтрибунного помещения.

И только тогда понял, что плачет.

В медицинской комнате пахло антисептиком.

Артём лежал на кушетке и смотрел в потолок. Медик объяснял что-то родителям, которые приехали вместе с ним, но слова проходили мимо.

Он слышал только отдельные фразы:

«Необходимо обследование».

«Возможное повреждение связок».

«Пока рано делать выводы».

Рано делать выводы.

Артём хотел рассмеяться.

Ему казалось, что вывод уже сделан.

Он не закончил свой первый официальный матч.

Не забил гол.

Не доказал, что достоин места в команде.

И теперь даже не знал, сможет ли завтра нормально хо-

дить.

Мама взяла его за руку.

— Сынок...

— Мам, пожалуйста.

Она замолчала.

Артём повернулся к стене.

Он не хотел, чтобы его жалели.

Не хотел слышать, что всё будет хорошо.

Не хотел, чтобы кто-то обещал ему то, чего никто не мог знать наверняка.

Он просто хотел вернуться на поле.

Вернуться к тому моменту, когда мяч лежал у его ноги, перед ним был защитник, а впереди открывались ворота.

К тому мгновению, когда всё ещё было возможно.

На улице дождь наконец закончился.

Сквозь окно пробивался слабый свет, и на стене медленно двигалась тень от ветки дерева.

Артём закрыл глаза.

Он ещё не знал, сколько времени займёт восстановление. Не знал, что скажет врач. Не знал, как изменится его жизнь.

Он знал только одно: сегодня утром он вышел на поле с ощущением, что весь мир лежит перед ним открытыми воротами.

А теперь впервые в жизни не понимал, куда идти дальше.

«Почему я?» — подумал он.

И впервые за много лет у него не нашлось ответа.

Конец первой главы.

Глава 2. Белый потолок

Первое, что увидел Артём, когда открыл глаза, был белый потолок.

Он смотрел на него несколько секунд, пытаясь понять, где находится. Потом услышал тихий писк какого-то прибора, почувствовал неприятную тяжесть в ноге и вспомнил.

Матч.

Столкновение.

Боль.

Он медленно повернул голову. За окном стояло серое утро. На соседней кровати никого не было, а возле двери тихо разговаривали две медсестры.

Артём попробовал пошевелиться.

Нога отозвалась тупой болью.

— Лучше не двигаться, — раздался знакомый голос.

На стуле возле кровати сидел отец. Он выглядел так, словно не спал всю ночь: рубашка помялась, волосы торчали в разные стороны, а под глазами появились тёмные круги.

— Пап?

— Привет, футболист.

Отец попытался улыбнуться.

— Сколько времени?

— Почти девять утра.

Артём нахмурился.

— А матч?

Михаил несколько секунд молчал.

— Вчерашний?

— Нет, пап, позавчерашний. Конечно, вчерашний!

Отец отвёл взгляд.

— Его доиграли. Мы проиграли один-ноль.

Артём закрыл глаза.

Он почему-то надеялся, что после его ухода команда соберётся, забьёт несколько голов и победит. Ему хотелось верить, что хотя бы матч закончится хорошо.

— Кто забил?

— Не знаю, сын. Я не смотрел.

Это была неправда. Михаил видел, как соперник забил после перерыва, как команда растерялась и как Сергей Павлович пытался изменить ход игры. Но сейчас ему казалось неправильным рассказывать об этом.

Артём повернулся к окну.

— А Максим?

— Играл до конца.

— Понятно.

Он замолчал.

В голове снова возникло вчерашнее мгновение: мяч у ноги, защитник перед ним, свободный угол ворот.

Ещё секунда — и он мог бы пробить.

Может быть, забил бы.

Может быть, его заметили бы представители старшей команды.

Может быть, всё сложилось бы иначе.

— Пап, — тихо произнёс Артём.

— Да?

— Я ведь нормально играл?

Михаил посмотрел на сына.

В этом вопросе было столько надежды, что ему стало трудно дышать.

— Да, Артём. Ты хорошо играл.

— Правда?

— Правда.

Артём кивнул и снова отвернулся.

Он хотел услышать именно это.

Но почему-то легче не стало.

Врач пришёл ближе к десяти.

Это был невысокий мужчина лет пятидесяти с внимательными глазами и спокойным голосом. Он представился Андреем Викторовичем, проверил состояние Артёма и попросил отца немного подождать за дверью.

— Как самочувствие? — спросил врач.

— Нормально.

— Боль сильная?

— Терпимая.

— Хорошо. Давай поговорим о том, что произошло.

Артём напрягся.

Он уже слышал несколько разговоров взрослых и понимал, что ему предстоит неприятный разговор.

Врач придвинул стул.

— По результатам обследования у тебя серьёзное повреждение связок колена. Потребуется операция и длительная реабилитация.

Артём смотрел на него, не мигая.

— Сколько?

— Что именно?

— Сколько времени я не смогу играть?

Андрей Викторович немного помедлил.

— Сейчас рано называть точные сроки. Сначала нужно провести лечение, потом оценить, как будет проходить восстановление. Возвращение к спорту зависит от многих факторов.

— Но я же смогу играть?

— Наша задача — сделать всё возможное, чтобы ты восстановился. Но я не хочу обещать тебе то, чего пока нельзя гарантировать.

Артём почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

— Почему все так говорят?

— Как?

— «Пока нельзя гарантировать». «Нужно подождать». «Всё зависит от восстановления». Почему никто не может сказать нормально?

Врач спокойно выдержал его взгляд.

— Потому что я не хочу тебя обманывать.

— А если я буду делать всё, что вы скажете? Если буду тренироваться каждый день? Тогда смогу?

— Мы составим программу восстановления. Но сейчас самое важное — не торопиться и не пытаться ускорить процесс ценой собственного здоровья.

Артём сжал край одеяла.

Ему хотелось услышать простое «да».

Не медицинское объяснение. Не список условий. Не осторожные формулировки.

Просто «да, ты вернёшься».

Но врач не произнёс этих слов.

Когда он ушёл, Артём долго смотрел на закрытую дверь.

Потом накрыл лицо руками.

Впервые за всё время он по-настоящему испугался.

Не боли.

Не операции.

Не даже долгого восстановления.

Он испугался неизвестности.

Потому что раньше будущее казалось ему прямой дорогой: тренировки, матчи, новые команды, большие стадионы.

Теперь впереди стоял туман, за которым он не мог разглядеть ничего.

Операция прошла на следующий день.

Артём почти ничего не помнил о том, как его отвезли в операционную. Он помнил только яркий свет, чей-то спокойный голос и просьбу считать до десяти.

Он дошёл до семи.

Когда очнулся, во рту пересохло, а нога казалась чужой.

Мама сидела рядом и держала его за руку.

— Всё закончилось, — тихо сказала она. — Операция прошла успешно.

Артём попытался улыбнуться.

— Значит, всё будет нормально?

Мама замерла.

Она могла бы сказать «конечно». Могла бы пообещать, что через несколько месяцев он снова будет бегать по полю.

Но после разговора с врачом понимала: сейчас сыну нужна не красивая фраза, а честность.

— Врач сказал, что всё прошло по плану. Теперь нужно восстановление.

Артём закрыл глаза.

— Опять восстановление.

— Да, сынок.

— А если я не смогу вернуться?

Мама крепче сжала его руку.

— Тогда мы будем разбираться с этим вместе.

— Я не хочу, чтобы вы разбирались. Я хочу играть.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь.

Он произнёс это резко, и мама на мгновение отдернула руку.

Артём сразу пожалел о своих словах, но не нашёл в себе

сил извиниться.

Ему было слишком больно.

И он не знал, куда деть эту боль.

Первые дни после операции тянулись медленно.

Утро начиналось с обхода врачей. Потом приходил медбрат, проверял состояние ноги и помогал устроиться удобнее. Иногда заходили родители, приносили еду и пытались рассказывать новости.

Артём отвечал коротко.

Он не хотел обсуждать погоду, школу или то, что происходило за пределами больничной палаты.

Все эти вещи казались ему частью другой жизни.

Той, в которой он больше не участвовал.

На четвёртый день ему принесли телефон, который отец забрал домой на время операции.

Артём включил экран.

Сорок три сообщения.

Двенадцать пропущенных звонков.

Большинство сообщений было от одноклубников.

«Тёма, как ты?»

«Поправляйся скорее!»

«Мы ждём тебя на поле».

«Брат, держись!»

Он читал их одно за другим, но не чувствовал облегчения.

Наоборот, каждое сообщение словно напоминало ему о том, что команда продолжает жить.

Кто-то тренировался.

Кто-то забивал голы.

Кто-то спорил с тренером из-за состава.

А он лежал в больничной палате и не мог даже самостоятельно встать с кровати.

Артём открыл переписку с Максимом.

Последнее сообщение было отправлено утром после травмы.

«Брат, напиши, как проснёшься. Я зайду, если разрешат».

Артём набрал ответ:

«Всё нормально. Операция прошла».

Посмотрел на экран.

Стер слова.

Написал:

«Нога болит, но жить можно».

Снова стёр.

В конце концов отправил только:

«Нормально. Спасибо».

Максим ответил почти сразу:

«Слава богу. Я хотел приехать, но Сергей Павлович сказал, что тебе нужен отдых. Напиши, когда можно будет».

Артём положил телефон рядом.

Ему хотелось сказать другу, что он боится. Что ему страшно даже представить следующий год. Что он ненавидит собственную беспомощность и не знает, как смотреть на себя в зеркало.

Но как объяснить это человеку, который продолжает выходить на поле?

Максим мог пожалеть его.

Мог сказать, что всё будет хорошо.

Мог попытаться пошутить.

Артём не хотел ни жалости, ни обещаний.

Он хотел, чтобы всё стало как раньше.

И поскольку никто не мог этого сделать, ему казалось, что никто не способен ему помочь.

Через неделю Артём впервые попробовал встать с помощью костылей.

Медсестра объяснила, как правильно переносить вес, куда ставить руки и почему нельзя торопиться.

Артём слушал внимательно.

Он всегда был дисциплинированным. Если тренер говорил повторить упражнение десять раз, он делал пятнадцать. Если нужно было пробежать круг, он старался обогнать всех.

Но теперь привычная настойчивость не помогала.

Он сделал несколько неуверенных движений и остановился.

— Отдохнём? — спросила медсестра.

— Нет. Ещё раз.

— Давай сначала немного передохнём.

— Я сказал, ещё раз.

Она не стала спорить.

Артём повторил движение, но на этот раз потерял равно-

весие и резко схватился за поручень.

Сердце забилося быстрее.

— Осторожно, — сказала медсестра, поддерживая его.

— Я сам!

Он оттолкнул её руку, тут же пожалев об этом.

Несколько секунд они молчали.

— Я понимаю, что тебе хочется быстрее восстановиться,
— мягко сказала она. — Но тебе не нужно доказывать мне,
что ты сильный.

Артём отвернулся.

— Я ничего не доказываю.

— Хорошо.

Она помогла ему вернуться на кровать и больше не стала задавать вопросов.

Когда дверь закрылась, Артём посмотрел на свои руки.

Они дрожали.

Он ненавидел это.

Ненавидел, что ему нужна помощь.

Ненавидел, что простые действия теперь требовали усилий.

И больше всего ненавидел то, что не мог просто заставить себя стать прежним.

В футболе всё казалось понятным: если ты хочешь стать быстрее, тренируй скорость; если хочешь точнее бить, отрабатывай удары; если хочешь выиграть борьбу, не бойся идти в стык.

Но как тренировать терпение?

Как заставить себя не бояться?

Как перестать чувствовать себя слабым, если твоё собственное тело больше не слушается?

Ответов не было.

Только белый потолок.

И длинные часы, которые нужно было как-то пережить.

На десятый день пребывания в больнице Артём впервые посмотрел запись своего матча.

Он не собирался этого делать.

Просто отец оставил телефон на тумбочке, а Максим прислал короткое видео с подписью:

«Смотри, как ты его обыграл. Красиво было».

Артём хотел сразу удалить сообщение.

Но палец сам нажал на экран.

На видео он увидел себя на поле.

Быстрого, уверенного, немного самоуверенного.

Он принял передачу, обыграл защитника, отдал пас и побежал вперёд.

Артём смотрел на собственные движения так, словно наблюдал за другим человеком.

Вот он разворачивается.

Вот ускоряется.

Вот снова получает мяч.

И вот падает.

Видео обрывалось почти сразу после столкновения.

Артём остановил запись и положил телефон экраном вниз.

В груди стало тесно.

Он вдруг понял, что скучает не только по футболу.

Он скучает по себе.

По тому человеку, который не задумывался, сможет ли подняться по лестнице. Который не боялся завтрашнего дня. Который мог бежать, смеяться, спорить и строить планы, не спрашивая разрешения у собственного тела.

По человеку, которым он был всего несколько дней назад.

И теперь ему казалось, что этот человек исчез.

Артём отвернулся к стене.

Он не хотел плакать.

Но слёзы всё равно появились.

Впервые он позволил себе не вытирать их сразу.

В тот вечер мама пришла позже обычного.

Она принесла домашний суп в небольшом контейнере и книгу, которую Артём когда-то просил купить.

— Как ты сегодня? — спросила она.

— Нормально.

Мама поставила контейнер на тумбочку.

— Ты всегда говоришь «нормально», когда тебе плохо.

— А что ты хочешь услышать?

Она задумалась.

— Правду.

Артём усмехнулся.

— Хорошо. Мне плохо. Я злюсь. Я устал. Я не хочу больше лежать здесь. Я не хочу учиться ходить на костылях. Я не хочу, чтобы все смотрели на меня так, будто я сломался.

Он говорил всё быстрее.

— И я не хочу слышать, что мне нужно терпение! Я не хочу быть терпеливым! Я хочу вернуться на поле! Хочу играть, бегать, забивать! Хочу, чтобы всё было как раньше!

Последние слова прозвучали почти шёпотом.

Мама села рядом.

— Я бы тоже этого хотела.

Артём поднял глаза.

— Правда?

— Конечно. Я видела, сколько сил ты вкладывал в футбол. Я знаю, как много он для тебя значит.

— Тогда почему ты всё время говоришь, что нужно подождать?

Мама посмотрела на него с грустью.

— Потому что я не могу сделать так, чтобы боль исчезла. И не могу обещать тебе, что всё будет именно так, как ты хочешь. Но я могу быть рядом, пока тебе трудно.

Артём молчал.

— Тебе не нужно сейчас быть сильным, — продолжила она. — Не нужно нас успокаивать. Не нужно делать вид, что всё нормально. Если тебе страшно, можешь сказать, что тебе страшно.

Он опустил голову.

— Мне страшно, мам.

Эти слова дались ему труднее, чем любое упражнение на реабилитации.

— Я знаю.

— А если я больше никогда не буду играть?

Мама не ответила сразу.

Она осторожно обняла его, стараясь не задеть ногу.

— Тогда мы будем учиться жить с этим. Но сегодня мы ещё не знаем, что будет завтра.

Артём закрыл глаза.

Впервые за много дней он не стал спорить.

Он всё ещё не верил, что сможет принять такую жизнь.

Но хотя бы на несколько минут перестал бороться с человеком, который пытался его поддержать.

И этого оказалось достаточно.

Поздно вечером мама ушла домой, а отец позвонил узнать, как прошёл день.

Артём поговорил с ним несколько минут, пожелал спокойной ночи и положил телефон на тумбочку.

Потом долго смотрел в окно.

На улице зажигались фонари. Люди возвращались с работы, машины медленно двигались по мокрой дороге, в соседнем здании кто-то включил свет на кухне.

Обычная жизнь.

Та самая, которая продолжалась, пока Артём лежал в больнице.

Он вдруг подумал, что завтра снова будет утро. Снова придут врачи. Снова придётся делать упражнения, учиться правильно двигаться и ждать.

И послезавтра тоже.

И через неделю.

От этой мысли стало тяжело.

Но где-то глубоко внутри, под усталостью, злостью и страхом, появилась маленькая мысль.

Не надежда.

Пока ещё нет.

Скорее, тихое признание того, что другого пути сейчас не существует.

Он не мог вернуться на поле сегодня.

Не мог изменить вчерашний матч.

Не мог заставить врача назвать точную дату возвращения.

Но завтра он мог попробовать встать ещё раз.

Не потому, что был уверен в успехе.

Не потому, что хотел кому-то что-то доказать.

А потому, что больше ничего не оставалось.

Артём перевернулся на бок, насколько позволяла нога, и закрыл глаза.

Белый потолок постепенно растворился в темноте.

Перед сном он вспомнил слова Сергея Павловича, сказанные перед матчем:

«Сегодня никто не станет великим футболистом за девять минут. И никто не перестанет им быть из-за одной

ошибки».

Тогда эти слова показались ему обычным напутствием.

Теперь они звучали иначе.

Артём пока не знал, что будет с его футбольной карьерой. Не знал, сможет ли снова бегать по газону и слышать свисток судьи.

Но впервые за всё время он задумался: а что, если одна неудача действительно не определяет всю жизнь?

Он не стал искать ответ.

Сегодня ему хватало того, что он просто задал себе этот вопрос.

Мотивирующая вставка — мысли Артёма

«Я всё ещё хочу проснуться и обнаружить, что это был всего лишь плохой сон. Я всё ещё злюсь на жизнь за то, что она так резко изменилась.

Но, наверное, мне не нужно прямо сейчас находить смысл во всём, что произошло.

Сегодня я просто пережил ещё один день.

Завтра попробую снова.

Пока этого достаточно».

Конец второй главы.

Глава 3. Разговор, которого никто не хотел

Дом встретил Артёма тишиной.

После больничных коридоров, звуков шагов и негромких разговоров медсестёр эта тишина казалась непривычной. Дома всё оставалось на своих местах: кроссовки у двери, фото-

графии на стене, старая футбольная форма на спинке стула. Даже календарь на кухне всё ещё напоминал о предстоящих матчах.

Только сам Артём уже не знал, каким будет его следующий матч и будет ли он вообще.

Отец помог ему добраться до комнаты и поставить костыли возле кровати. Мама принесла подушку, поправила одеяло и спросила, не хочет ли он поесть.

— Не хочу.

— Может, хотя бы чай?

— Мам, я сказал, не хочу.

Она замолчала.

Отец посмотрел на сына, словно собирался что-то сказать, но передумал.

— Отдыхай, — произнёс он наконец. — Если что-нибудь понадобится, мы рядом.

Дверь закрылась.

Артём остался один.

Он посмотрел на свои бутсы, стоявшие под письменным столом. Накануне матча он тщательно очистил их от грязи, проверил шнурки и положил в сумку. Тогда всё казалось таким простым: выйти на поле, сыграть хорошо, доказать тренеру, что он готов к большему.

Теперь бутсы выглядели чужими.

Артём отвернулся и взял телефон.

В командном чате появилось новое сообщение. Ребята об-

суждали тренировку, кто-то отправил смешное видео, Максим пожаловался на контрольную по математике.

Обычная жизнь.

Она продолжалась без него.

Артём пролистал сообщения, ничего не написал и выключил экран.

За ужином родители старались вести себя как обычно.

Мама рассказала, что соседка спрашивала о его здоровье. Отец поделился какой-то историей с работы. Артём почти не слушал, ковыряя вилкой картофельное пюре.

— Врач сказал, что реабилитацию можно будет начать постепенно, — осторожно заметил отец. — Главное — не топиться.

— Я знаю.

— И не пропускать упражнения, когда разрешат.

— Я знаю, пап.

Отец кивнул, но через несколько секунд продолжил:

— Ты ведь всегда был упорным. Помнишь, как после того растяжения голеностопа вернулся на тренировку раньше всех?

Артём медленно положил вилку.

— Помню.

— Вот и сейчас нужно настроиться на работу. Будет трудно, но ты справишься.

— А если нет?

Отец не сразу понял вопрос.

— Что значит «если нет»?

— Если я не справлюсь! Если не смогу вернуться!

На кухне стало тихо.

Мама осторожно поставила чашку на стол.

— Артём, никто не говорит, что ты обязан вернуться немедленно.

— Вы всё время говорите, что я справлюсь. Что нужно работать. Что я сильный. А вы хоть раз подумали, что я могу не справиться?

— Конечно, подумали, — ответил отец. — Но зачем заранее настраиваться на плохое?

Артём усмехнулся.

— Потому что оно уже случилось!

Он сам удивился тому, насколько громко прозвучал его голос.

— Я уже не играю! Меня даже на тренировку нельзя поставить! Я не могу нормально пройти по комнате без этих проклятых костылей! А вы говорите, что я справлюсь, будто это очередная контрольная, к которой надо просто подготовиться!

— Мы пытаемся тебя поддержать, — тихо сказала мама.

— А я не знаю, как вы меня поддерживаете!

Он почувствовал, что глаза начинают щипать, и разозлился ещё сильнее. Ему хотелось остановиться, взять себя в руки, сказать что-нибудь спокойное. Но слова уже вырывались сами.

— Вы всегда говорили, что у меня получится. Что я талантливый. Что если буду много работать, то смогу попасть в хорошую команду. Папа, ты сам возил меня на тренировки, даже когда возвращался с работы поздно. Мама, ты смотрела каждый матч, даже когда на улице был дождь. Я знаю, что вы старались!

Он перевёл дыхание.

— Но теперь я боюсь, что всё это было зря.

Мама опустила глаза.

— Не говори так.

— Почему? Потому что тебе неприятно это слышать?

— Потому что мне больно видеть, как ты страдаешь.

— А мне, думаешь, не больно?!

Последние слова прозвучали почти шёпотом.

Артём посмотрел на отца.

— Я боюсь вас разочаровать.

Михаил нахмурился.

— С чего ты взял, что разочаруешь нас?

— Потому что я сам себя разочаровал! Я столько лет тренировался. Столько всего хотел. А теперь даже не знаю, смогу ли играть так, как раньше. И когда вы говорите, что я сильный и обязательно справлюсь, мне кажется, что я не имею права бояться. Что должен снова стать тем Артёмом, который всем обещал, что однажды будет играть на большом стадионе.

Он замолчал.

В комнате слышалось только тиканье часов.

— А если я больше не стану таким? — спросил он. — Вы всё равно будете мной гордиться?

Мама прикрыла рот ладонью.

Отец отвёл взгляд к окну.

Артём ждал ответа. Ему хотелось услышать его немедленно, уверенно, без пауз и сомнений.

Но отец молчал слишком долго.

И Артём понял это молчание по-своему.

— Вот видите, — произнёс он, отодвигая тарелку. — Вы даже ответить не можете.

Он схватил костыли и поднялся.

— Артём, подожди, — сказала мама.

— Не надо. Я устал.

Он добрался до комнаты и закрыл дверь.

Не хлопнул. Просто закрыл.

Почему-то от этого стало ещё хуже.

Мама вошла через несколько минут.

Артём лежал на кровати лицом к стене.

— Я могу посидеть?

— Делай что хочешь.

Она придвинула стул и села рядом. Некоторое время молчала, не пытаясь заговорить первой.

— Знаешь, — наконец произнесла она, — я сегодня несколько раз хотела спросить тебя, как ты себя чувствуешь на самом деле.

— И почему не спросила?

— Боялась услышать ответ.

Артём повернулся.

Мама выглядела уставшей. Не просто после бессонных ночей в больнице — казалось, за последние дни она стала старше.

— Когда ты был маленьким, — продолжила она, — я думала, что главное — всегда поддерживать тебя. Говорить, что ты сможешь, что у тебя получится, что нужно верить в себя. Мне казалось, если я буду сомневаться, ты тоже начнёшь сомневаться.

Она посмотрела на его ногу.

— А теперь я вижу, что ты и без моих слов боишься. И, наверное, я так старалась тебя подбодрить, что не оставила тебе места для этого страха.

Артём ничего не ответил.

— Прости меня, — сказала мама. — Я не знаю, что будет дальше. Я не знаю, насколько хорошо восстановится твоё колено. И я не могу обещать, что ты вернёшься в футбол. Но я хочу, чтобы ты знал: тебе не нужно быть сильным каждую минуту. Ты можешь злиться. Можешь плакать. Можешь не знать, что делать.

Она протянула руку и осторожно коснулась его плеча.

— И тебе не нужно заслуживать нашу любовь победами.

Артём отвернулся, но уже не от неё. Он пытался скрыть лицо.

— Я так хотел, чтобы вы мной гордились, — прошептал он.

— Мы гордимся тобой.

— За что? Я ничего не сделал.

Мама на мгновение задумалась.

— Ты вырос. Ты много лет работал ради своей мечты. Ты учился проигрывать, вставать после неудач, быть частью команды. И всё это никуда не исчезло из-за одной травмы.

— Но футбол исчез.

— Сейчас ты не можешь играть. И я понимаю, что для тебя это почти одно и то же.

Она не стала говорить, что футбол обязательно вернётся. Не стала обещать, что всё наладится через несколько месяцев.

И именно поэтому Артём впервые за весь вечер ей пове-
рил.

— Я не хочу, чтобы вы делали вид, будто ничего страшного не произошло, — сказал он.

— Хорошо.

— И не хочу, чтобы вы постоянно говорили мне, что всё будет хорошо.

— Хорошо, — повторила мама.

— Просто... побудьте со мной. Даже если я буду злиться.

Мама придвинулась ближе.

— Я могу это сделать.

Артём закрыл глаза.

Он не заплакал сразу. Сначала долго сдерживался, будто даже сейчас боялся показаться слабым. Потом напряжение отпустило, и слёзы сами потекли по щекам.

Мама обняла его осторожно, чтобы не задеть больную ногу.

Она ничего не говорила.

И впервые за несколько дней Артёму не нужно было искать слова, чтобы объяснить, как ему плохо.

Позднее в комнату заглянул отец.

Артём уже лежал под одеялом, а мама сидела рядом и читала сообщения на телефоне.

— Можно? — спросил Михаил.

Артём кивнул.

Отец вошёл и остановился возле стола.

— Я хочу кое-что сказать. Только не перебивай, ладно?

— Ладно.

Михаил провёл ладонью по затылку.

— Когда я услышал, что ты травмировался, я испугался. Сильно. Но вместо того чтобы признаться в этом, я начал говорить тебе, что нужно работать и не сдаваться.

Он вздохнул.

— Наверное, мне хотелось верить, что если ты будешь достаточно упорным, то сможешь победить даже это. А я ведь не знаю, так ли это.

Артём смотрел на отца.

— Я не хочу, чтобы ты думал, будто должен вернуться на

поле ради нас, — продолжил Михаил. — Мы хотели, чтобы у тебя была возможность заниматься тем, что ты любишь. Не чтобы ты всю жизнь доказывал нам, что достоин нашей гордости.

Он подошёл к кровати.

— И если однажды окажется, что играть на прежнем уровне ты не сможешь... я всё равно буду тобой гордиться. Мне жаль, что я не сказал этого раньше.

Артём почувствовал, как к горлу снова подступил ком.

— А если я сам не смогу собой гордиться?

Отец сел на край стула.

— Тогда, наверное, какое-то время я буду гордиться тобой за нас обоих.

Артём слабо улыбнулся.

— Звучит глупо.

— Я знаю. Я вообще не очень умею говорить о таких вещах.

— Заметно.

Отец усмехнулся.

Впервые за несколько дней они оба улыбнулись по-настоящему, пусть и ненадолго.

— Завтра отвезу тебя на осмотр, — сказал Михаил. — А потом, если захочешь, можем заехать за мороженым.

— В октябре?

— У мороженого нет сезона.

— У тебя вообще нет аргументов.

— Зато есть машина.

Артём тихо рассмеялся.

Когда отец вышел, мама поправила одеяло и выключила свет.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Мам?

— Да?

— Спасибо, что не сказала, будто всё обязательно будет хорошо.

Она погладила его по волосам.

— Иногда честное «я не знаю» лучше, чем обещание, которое никто не может выполнить.

Дверь закрылась.

Артём остался один, но теперь тишина казалась немного другой.

Проблемы никуда не исчезли. Колено всё ещё болело. Впереди оставались обследования, реабилитация и множество вопросов, на которые никто не мог ответить.

Он всё ещё боялся, что футбол больше никогда не станет прежним.

Но впервые за долгое время ему не нужно было скрывать этот страх от самых близких людей.

А может быть, именно с этого и начиналось что-то новое.

Не возвращение на поле.

Не победа.

Просто возможность быть собой, даже когда ты не знаешь,

кем станешь завтра.

Мысль Артёма

«Мне казалось, что я должен быть сильным, чтобы меня любили. Сегодня я понял: иногда сила — это перестать притворяться, что тебе не больно. Я пока не знаю, кем буду без футбола. Но, может быть, мне не обязательно узнавать это прямо сейчас».

Глава 4. Человек у ворот

Первое сообщение от Сергея Павловича пришло в понедельник утром.

«Как колено?»

Артём прочитал его, положил телефон на подушку и от-
вернулся.

Через минуту телефон завибрировал снова.

«Не торопись с ответом. Просто хотел узнать, как ты».

Артём нахмурился.

Он не знал, что написать.

«Болит» — слишком просто.

«Всё плохо» — слишком жалко.

«Нормально» — неправда.

Он набрал несколько слов, стёр их и в конце концов от-
правил:

«Пока без изменений».

Тренер ответил почти сразу:

«Понятно. В четверг у нас тренировка. Если захочешь, приезжай. Ничего делать не нужно. Просто посмотришь».

Артём долго смотрел на экран.

Приехать на тренировку.

Посмотреть.

Словно ему предлагали зайти в ресторан и наблюдать, как другие едят его любимое блюдо.

Он убрал телефон в сторону.

Нет. Пока он не готов.

Он даже не мог представить, как посмотрит ребятам в глаза. Что скажет Максим? Как поведут себя остальные? Начнут осторожно спрашивать о колене или, наоборот, сделают вид, что ничего не произошло?

А хуже всего было другое.

Он боялся увидеть поле.

Потому что, пока он лежал дома, футбол существовал в его памяти: в удачных передачах, в шуме трибун, в запахе мокрой травы. Там он всё ещё был игроком. Там он мог бегать, обыгрывать защитников и ждать следующего матча.

Но на настоящем поле всё будет иначе.

Там другие займут его место.

И игра продолжится.

В четверг утром мама спросила, не хочет ли он поехать к тренеру.

— Нет.

Она не стала уговаривать.

Через некоторое время Артём сам посмотрел на часы.

Тренировка начиналась в четыре.

Он представил, как ребята разминаются, спорят из-за мяча, смеются над чьей-то неудачной передачей. Представил Сергея Павловича, который свистит и требует повторить упражнение.

Всё было так знакомо, что от этой картины стало больно.

— Мам, — позвал он.

— Что?

— Ты можешь отвезти меня на стадион?

Она выглянула из кухни, стараясь не показать удивления.

— Конечно.

— Только ненадолго.

— Как скажешь.

Артём начал собираться.

Он долго выбирал одежду, хотя обычно надевал первое, что попадалось под руку. Потом попросил маму проверить, не забыл ли он телефон. У двери несколько раз переставлял костыли, словно они мешали ему выйти.

Когда они наконец сели в машину, он почувствовал, что ладони вспотели.

— Ты нервничаешь? — спросила мама.

— Нет.

Она посмотрела на него.

— Ладно. Нервничаю.

— Это нормально.

— Мам, только не начинай.

— Не начинаю.

Она улыбнулась и завела двигатель.

По дороге Артём почти не говорил.

Знакомые улицы сменились дорогой вдоль школьного стадиона, потом показались магазины и невысокие дома возле спортивного комплекса. Артём узнал поворот к футбольному полю задолго до того, как мама свернула на парковку.

Сердце забилося быстрее.

Он увидел ворота.

Увидел ограждение.

Увидел знакомую крышу раздевалки.

Мама остановила машину.

— Я могу пойти с тобой.

— Не надо.

— Хорошо.

Артём открыл дверь и осторожно поставил костыли на асфальт.

Несколько секунд он стоял возле машины, не двигаясь.

Потом посмотрел на маму.

— Если я захочу уехать...

— Уедем.

— Даже если я пробуду там две минуты?

— Даже если две секунды.

Он кивнул и направился к воротам.

На поле уже шла тренировка.

Свисток Сергея Павловича разрезал воздух. Ребята выполняли упражнение на короткие передачи, быстро переме-

щаясь между фишками.

Артём остановился возле ограждения.

Он знал почти каждое движение в этом упражнении. Сам выполнял его сотни раз. Мог бы подсказать, кому нужно открыться, кто слишком долго держит мяч и почему очередная передача не дошла до адресата.

Его ноги будто помнили всё за него.

На мгновение Артёму показалось, что достаточно снять куртку, переодеться и выйти на поле.

Но он посмотрел на костыли.

И снова оказался там, где был.

— Пришёл всё-таки.

Артём обернулся.

Сергей Павлович стоял у ворот с блокнотом в руке. На нём была привычная тёмная куртка, а на шее висел свисток.

— Сам не знаю зачем, — ответил Артём.

— Это нормально. Необязательно заранее знать, зачем куда-то идёшь.

Тренер посмотрел на его ногу.

— Как самочувствие?

— Нормально.

— Правда?

Артём вздохнул.

— Нет. Болит. Иногда меньше, иногда сильнее. Ходить неудобно. Спать неудобно. Всё неудобно.

— Понятно.

— И я устал, что все спрашивают про колено.

— Тогда сегодня никто не будет спрашивать про колено.

Артём удивлённо посмотрел на него.

— А про что будем говорить?

— Про футбол.

Тренер кивнул в сторону поля.

— Пойдём. Здесь у ворот ничего не видно.

Артём замялся.

— Сергей Павлович, я не уверен, что смогу...

— Я не предлагаю тебе играть.

— Я знаю.

— Тогда в чём проблема?

Артём не ответил.

Тренер подождал, не торопя его.

— Я просто не знаю, как здесь находиться, — наконец произнёс Артём. — Раньше я выходил на поле. А теперь буду стоять сбоку и смотреть, как играют другие.

Сергей Павлович немного помолчал.

— Да. Сейчас ты не можешь играть так, как раньше.

Артём опустил глаза.

Он ожидал, что тренер начнёт его успокаивать, говорить о будущем, о восстановлении и терпении. Но тот не стал ничего смягчать.

— И это несправедливо, — продолжил Сергей Павлович. — Ты много работал. Ждал своего шанса. Вышел на первый официальный матч и получил травму. Я понимаю, почему

ты злишься.

— Тогда почему вы говорите так спокойно?

Тренер усмехнулся.

— А ты хочешь, чтобы я кричал?

— Не знаю. Может быть.

— На поле я могу кричать сколько угодно. Но твоя травма от этого не исчезнет.

Артём посмотрел на тренировку.

Максим получил передачу, ушёл от защитника и пробил по воротам. Мяч пролетел выше перекладины.

— Максим стал чаще играть в основе, — сказал Артём.

— Да.

— На моей позиции.

— Да.

Артём сжал рукоятки костылей.

— Вы даже не будете говорить, что моё место никто не займёт?

— Не буду.

Он резко повернулся к тренеру.

— Почему?

— Потому что команда не может остановиться. У ребят тренировки, матчи, свои задачи. Я должен искать решение, которое поможет команде играть дальше.

Сергей Павлович сделал небольшую паузу.

— Но то, что кто-то занимает твоё место на поле, не означает, что он занимает твоё место в жизни.

Артём отвернулся.

— Красиво сказано.

— Не старался красиво. Просто говорю, как есть.

Они помолчали.

На поле снова прозвучал свисток.

— Знаете, чего я боюсь? — спросил Артём.

— Чего?

— Что все привыкнут без меня. Сначала будут спрашивать, как я. Потом перестанут. Найдут других игроков. А я останусь дома со своим коленом и буду вспоминать, как всё было.

Он говорил тихо, но теперь уже не пытался скрыть свои мысли.

— И однажды я сам перестану верить, что вообще был хорошим игроком.

Сергей Павлович посмотрел на него внимательно.

— Артём, можно я расскажу тебе одну историю?

— Вы же знаете, что я не очень люблю ваши истории.

— Знаю. Поэтому постараюсь коротко.

Тренер прислонился к ограждению.

— Когда мне было девятнадцать, я играл за молодёжную команду. Не такую сильную, как тебе хотелось бы, но для меня тогда это был почти профессиональный футбол. Я тренировался каждый день, надеялся попасть в основной состав. А потом повредил колено.

Артём поднял голову.

Он слышал, что тренер когда-то играл, но никогда не знал подробностей.

— Насколько серьёзно?

— Достаточно, чтобы врачи сказали: прежний уровень нагрузок мне, скорее всего, будет недоступен. Я долго пытался доказать, что они ошибаются. Торопился, возвращался к тренировкам раньше времени, снова получал повреждения. В конце концов понял, что моя карьера не будет такой, какой я её представлял.

— И что вы сделали?

— Сначала злился на всех. На врачей, на тренеров, на здоровых игроков. Потом решил, что мне нужно найти другую работу. Несколько лет вообще не хотел слышать о футболе.

— А потом стали тренером?

— Не сразу. Сначала устроился в магазин спортивных товаров. Потом помогал знакомому на детских тренировках. Оказалось, мне нравится объяснять ребятам игру. И, что ещё удивительнее, у меня это получалось.

Артём посмотрел на поле.

— Но вы всё равно не стали профессиональным игроком.

— Нет.

Тренер не отвёл взгляда.

— Иногда я до сих пор думаю, как всё могло сложиться. Не буду врать тебе и говорить, что полностью перестал об этом жалеть. Я любил играть. И никакая тренерская работа не заменяет того ощущения, когда сам выходишь на поле.

Артём впервые услышал в голосе Сергея Павловича что-то, чего раньше не замечал.

Не уверенность.

Не привычную строгость.

Сожаление.

Настоящее, спокойное сожаление человека, который научился с ним жить.

— Тогда откуда вы знаете, что со мной всё будет нормально? — спросил Артём.

— Никак не знаю.

— Вы ведь должны меня поддерживать.

— Я и поддерживаю. Но поддержка — это не обещание, что ты обязательно получишь всё, чего хочешь.

Тренер помолчал.

— Я не знаю, сможешь ли ты вернуться к прежним нагрузкам. Этого пока не знают даже врачи. Но я знаю, что футбол — это не только скорость, удар и количество голов. Это ещё умение видеть игру, принимать решения, понимать партнёров. Ты всему этому учился годами. Травма не стирает твои знания.

— Но без ног они бесполезны.

— Для игры на поле сейчас — возможно. Для всего остального — нет.

Артём хотел возразить, но не нашёл слов.

— Я не предлагаю тебе становиться тренером, — добавил Сергей Павлович. — И не предлагаю немедленно найти но-

вую мечту. Ты имеешь право хотеть только одного — вернуться к футболу. Имеешь право злиться, если это окажется невозможно. Но я не хочу, чтобы ты решил, будто до возвращения твоя жизнь поставлена на паузу.

Артём долго смотрел на поле.

— А что вы предлагаете?

— Пока ничего особенного. Если тебе захочется, приходи на тренировки. Сиди на скамейке, смотри, спорь со мной по поводу тактики. Можешь вообще молчать весь вечер. Никто не заставляет тебя быть полезным.

— А если я буду мешать?

— Тогда я скажу тебе об этом. Ты же знаешь, я умею.

Артём невольно улыбнулся.

— Это точно.

— И ещё, — сказал тренер. — Не нужно решать сейчас, кем ты будешь через год. Сначала разберись с тем, что происходит сегодня.

Он посмотрел на костыли.

— Сегодня ты приехал на стадион. Это уже больше, чем вчера.

— Но я ничего не сделал.

— Ты приехал. Для человека, который боялся сюда прийти, это не «ничего».

Артём опустил глаза.

Ему хотелось верить тренеру, но внутри всё ещё жила мысль, что тот просто пытается его подбодрить.

— Сергей Павлович, а если я больше никогда не смогу играть?

Тренер не ответил сразу.

На поле Максим снова получил мяч. На этот раз он сделал передачу партнёру, открывшись под ответный пас.

— Тогда нам с тобой придётся разобраться, что делать дальше, — сказал Сергей Павлович. — Но не сегодня. Сегодня мы этого ещё не знаем.

Он протянул Артёму руку и легко похлопал его по плечу.

— Пойдём посмотрим тренировку. А то ребята сейчас окончательно забудут, как передавать мяч.

Они прошли вдоль ограждения и остановились возле скамейки.

Сергей Павлович предложил Артёму сесть, но тот покачал головой.

— Постою немного.

Тренер не стал спорить.

Несколько минут они молча наблюдали за игрой.

Артём заметил, что Максим стал чаще смещаться в центр. Правый защитник слишком рано поднимался вперёд, оставляя свободную зону за спиной. Один из полузащитников всё время принимал мяч спиной к воротам, хотя мог открываться в сторону.

Артём поймал себя на том, что мысленно разбирает каждую атаку.

— Сергей Павлович?

— М?

— Почему вы поставили Диму справа?

— Потому что он быстрее Влада.

— Но он всё время смещается в центр. Они с Максимом занимают одно пространство. Если соперник закроет середину, мы не сможем вывести мяч на фланг.

Тренер посмотрел на него.

— И что ты предлагаешь?

Артём помедлил.

Он не привык, чтобы его спрашивали о тактике, когда он не был игроком на поле.

— Попробовать поменять их местами. Пусть Влад играет справа, а Дима слева. Влад лучше держит ширину, а Дима сможет смещаться под удар. Тогда Максим не будет постоянно уходить из своей зоны.

Сергей Павлович снова посмотрел на поле.

— Неплохая мысль.

— Правда?

— А ты думал, я специально задаю тебе вопросы, на которые не хочу слышать ответ?

Артём пожал плечами.

— Не знаю.

Тренер поднял свисток.

— Дима! Влад! Меняемся флангами! Максим, не уходи так глубоко, оставь пространство для передачи!

Ребята перестроились.

Через несколько минут атаки стали получаться лучше. Влад несколько раз получил мяч у боковой линии и успел отдать передачу вперёд. Дима, смещаясь с другого фланга, дважды оказался в хорошей позиции для удара.

— Вот, — негромко произнёс Артём. — Уже лучше.

— Согласен, — сказал тренер.

Артём смотрел на ребят и чувствовал странное состояние.

Он по-прежнему хотел оказаться среди них. Хотел бежать по полю, слышать, как Максим зовёт его на передачу, чувствовать мяч под ногой.

Ничего из этого не исчезло.

Но вместе с болью появилось что-то ещё.

Возможность видеть игру иначе.

Он пока не знал, что с этим делать.

И впервые за долгое время не стал требовать от себя немедленного ответа.

Когда тренировка закончилась, ребята начали собирать мячи и убирать фишки.

Максим заметил Артёма и первым подошёл к нему.

— Привет, — сказал он.

— Привет.

Они несколько секунд неловко молчали.

— Как колено?

Максим тут же поморщился.

— Извини. Я хотел спросить что-нибудь другое, но...

— Всё нормально. Пока болит.

— Понятно.

Максим посмотрел на костыли.

— Слушай, я хотел тебе написать ещё на прошлой неделе. Но не знал, что сказать.

— Мог написать что-нибудь глупое. Ты обычно так и делаешь.

Максим усмехнулся.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Напряжение немного ослабло.

— Мы тебя ждём, — сказал Максим. — То есть... не знаю, как правильно. Просто без тебя странно.

Артём посмотрел на него.

Эти слова были не обещанием, что всё вернётся на свои места. Максим не говорил, что команда не сможет играть без него. Он просто признавал, что Артёма не хватает.

И почему-то этого оказалось достаточно.

— Я пока не знаю, когда вернусь, — ответил Артём.

— Я понимаю.

— Нет, не понимаешь.

Максим кивнул.

— Наверное, не понимаю.

Он не стал оправдываться.

— Но если захочешь прийти ещё раз, я буду рад.

— Посмотрим.

— Ладно.

Максим вернулся к ребятам.

Артём проводил его взглядом. Внутри всё ещё было больно, но уже не так остро.

Когда тренер закончил разговор с командой, он подошёл к Артёму.

— Ну как?

— Нормально.

Сергей Павлович поднял бровь.

— Правда?

Артём задумался.

— Не знаю. Было тяжело. Но... не так, как я представлял.

— Хорошее начало.

— Вы всегда так говорите?

— Только когда мне нечего умнее сказать.

Артём засмеялся.

Он попрощался с тренером и медленно направился к выходу. Возле ворот остановился и оглянулся.

Поле пустело. Ребята уходили в раздевалку, кто-то смеялся, кто-то спорил о последнем упражнении. Сергей Павлович собирал мячи.

Всё было почти как раньше.

Почти.

Артём знал, что завтра ему снова будет трудно. Возможно, он опять разозлится, увидев фотографии команды в чате. Возможно, проснётся ночью от боли или начнёт считать дни до следующего осмотра.

Один разговор ничего не исправил.

Но сегодня он пришёл на стадион и не убежал через две минуты.

Сегодня он увидел, что футбол существует не только в его воспоминаниях.

И хотя он пока не мог выйти на поле, игра впервые за долгое время перестала казаться окончательно потерянной.

У ворот Артём остановился ещё раз.

Потом развернулся и пошёл к машине, где его ждала мама.

— Ну как? — спросила она, когда он сел.

Артём пристегнул ремень.

— Сложно.

— Хочешь рассказать?

Он посмотрел в окно, на стадион, который медленно исчезал из виду.

— Не сейчас. Но, может быть, завтра.

Мама кивнула и тронулась с места.

Артём откинулся на спинку сиденья.

Впервые за много дней он думал не только о том, что потерял.

Он думал о том, что ещё мог увидеть.

И пока этого было достаточно.

Мысль Артёма

«Я всё ещё хочу вернуться на поле. Эта мечта никуда не исчезла, и я не собираюсь от неё отказываться только по-

тому, что мне страшно. Но сегодня я понял одну вещь: пока я жду ответа на вопрос, смогу ли снова играть, жизнь не обязана стоять на месте. Возможно, мне не нужно прямо сейчас искать другую дорогу. Для начала достаточно сделать следующий шаг по той, на которой я уже стою».

Часть II. Учиться видеть поле

Глава 5. За линией

В следующий четверг Артём снова приехал на стадион.

На этот раз он не стоял возле ворот несколько минут, убеждая себя, что ещё может уехать. Он сразу прошёл к скамейке запасных, медленно опустился на край и поставил костыли рядом.

Получилось почти уверенно.

Почти — потому что внутри всё равно что-то сжималось при каждом звуке свистка.

— О, наш аналитик прибыл! — крикнул Сергей Павлович с поля.

— Я вообще-то просто посмотреть пришёл!

— Конечно. А я просто так свищу.

Несколько ребят рассмеялись.

Артём тоже улыбнулся.

Он заметил, что тренер не спрашивал, как у него колено, и не пытался каждый раз выяснять, не устал ли он. Это было приятно. Артём не хотел, чтобы все вокруг обращались с ним так, будто он сделан из стекла.

Он хотел оставаться обычным человеком, который иногда

шутит, иногда злится и может сказать, что тренер неправ.

Особенно последнее.

— Сергей Павлович, почему вы опять поставили Влада в защиту?

— Потому что он защитник.

— Очень убедительно.

— Спасибо. Я долго готовился.

Тренер повернулся к команде и дал свисток.

Началась тренировка.

Артём следил за перемещениями игроков, за тем, как они открываются под передачу, как меняют направление атаки и как реагируют на потерю мяча. Сначала ему казалось, что он просто вспоминает знакомые упражнения. Но постепенно он начал замечать детали, которые раньше ускользали от внимания.

Он увидел, что один из полузащитников постоянно смотрит на мяч и почти не замечает свободного пространства за спиной защитника.

Заметил, что Максим стал чаще торопиться с ударом.

Увидел, как Влад, получив передачу у боковой линии, замедляет движение, хотя мог продолжить атаку.

Раньше Артём сам часто поступал так же.

На поле он думал о следующем касании, о сопернике перед собой, о том, как не потерять мяч. Теперь у него было время увидеть всю картину целиком.

И это его удивляло.

— Долго ещё будешь смотреть так, будто собираешься написать на нас жалобу? — спросил Максим, проходя мимо с мячом.

— Пока не перестанете давать поводы.

— Тогда нам конец.

Максим убежал обратно.

Артём проводил его взглядом.

В груди снова кольнуло.

Он понимал, что рад за друга. По крайней мере, хотел быть рад. Максим много работал, заслуживал своего шанса и теперь получал больше игрового времени.

Но каждый раз, когда тот ускорился с мячом, Артём представлял себя на его месте.

Как сам уходил бы от защитника.

Как принимал бы передачу.

Как слышал бы свисток, означающий начало нового игрового эпизода.

Ему хотелось встать, забыть о костылях и хотя бы раз пробежать вдоль боковой линии.

Вместо этого он сжал пальцы на краю скамейки.

«Просто смотри», — сказал он себе.

Но смотреть оказалось совсем не просто.

Через сорок минут тренер объявил перерыв.

Ребята направились к бутылкам с водой. Кто-то упал на траву, кто-то спорил о последнем упражнении.

Максим сел рядом с Артёмом.

— Ну что, какие выводы?

— Выводы о чём?

— О нашей великолепной игре.

Артём посмотрел на него.

— Хочешь честно?

— Нет, конечно. Ври мне, я соскучился.

— Вы плохо выходите из обороны. Слишком часто играете через центр, даже когда там три соперника. И ты торопишься с ударами.

Максим перестал улыбаться.

— Я не тороплюсь.

— Торопишься.

— Ты уже не играешь со мной, Артём. Ты не видишь, что там происходит.

Слова прозвучали резче, чем Максим, вероятно, хотел.

Артём почувствовал, как внутри поднимается знакомая злость.

— Зато я вижу, что происходит отсюда.

— Отсюда всё выглядит проще.

Максим поднялся.

— Ладно. Неважно.

Он ушёл к остальным.

Артём остался сидеть на скамейке.

Ему хотелось крикнуть вслед, что он прав. Что проблема действительно существует. Что Максим стал хуже принимать решения, потому что теперь ему нужно доказывать, что

он достоин места в составе.

Но он промолчал.

Максим тоже имел право злиться.

Он не обязан был принимать каждое замечание от друга, который сам сейчас не мог выйти на поле.

Артём опустил голову и посмотрел на свои руки.

Когда-то они казались ему просто частью тела, необходимой для равновесия и защиты во время падения. Теперь он замечал каждую мелочь: как неудобно держать бутылку, когда рядом костыли; как трудно самостоятельно открыть упаковку с перекусом; как быстро устают плечи.

Он устал от того, что даже простые действия требовали усилий.

Но ещё сильнее он устал от необходимости постоянно доказывать самому себе, что всё это временно.

Он ведь не знал, временно ли.

И никто не мог сказать наверняка.

Вечером Артём вернулся домой раньше обычного.

Он отказался от ужина, сказал маме, что хочет побыть один, и закрыл дверь комнаты.

На столе лежал блокнот, в котором он раньше записывал тренировочные планы. На первых страницах были упражнения, схемы атак, заметки о соперниках. Иногда Артём записывал туда собственные ошибки после матча.

Он открыл чистую страницу.

Написал:

«Тренировка. Четверг».

Ниже начал перечислять увиденные ошибки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.